

УДК 821.161.1.09"19"

О. А. Савинская*Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. С. К. Тимошенко (г. Кострома)
olgasavinskaya83@mail.ru***ВОПЛОЩЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫХ ИСКАНИЙ
В ЛИРИКЕ Б. Ю. ПОПЛАВСКОГО**

В статье рассмотрены особенности религиозно-нравственных исканий поэта-эмигранта Б. Ю. Поплавского. Религиозные мотивы лирики Поплавского имеют сложную, разветвленную генеалогию: гностицизм, оккультизм, буддизм и православие. Цель статьи: выявить меру глубины проникновения разных религиозных учений в художественную картину мира Поплавского, охарактеризовать формы их взаимодействия в структуре творческой личности поэта.

Ключевые слова: гностицизм, оккультизм, буддизм, православие, мистицизм, смерть, добро, зло, жалость.

О. А. Savinskaya*Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Defence, Kostroma
olgasavinskaya83@mail.ru***THE EMBODIMENT OF RELIGIOUS AND MORAL SEARCHES
IN BORIS POPLAVSKIY'S LYRICS**

There are peculiarities of religious and moral ideas of Russian poet-emigrant Boris Poplavskiy in the article. Religious motifs lyrics of Boris Poplavskiy have a complex, branched genealogy: gnosticism, occultism, Buddhism and Orthodoxy. The purpose of the article is to reveal the measure of the depth of penetration of different religious doctrines in the artistic picture of the world of Boris Poplavskiy, to characterise their modes of interaction in the structure of creative personality of the poet.

Keywords: gnosticism, occultism, Buddhism, Orthodoxy, mysticism, death, good, evil, pity.

Яркая творческая индивидуальность Б. Ю. Поплавского во многом была определена его духовными поисками. Мировосприятие поэта базировалось на его глубоком интересе к мировым культурам. Проблемой религиозных исканий Поплавского занимались Л. В. Сыроватко, А. М. Ваховская, В. М. Жердева. Л. В. Сыроватко делает акцент на софиологических интуициях Поплавского (9, 100). А. М. Ваховская считает, что христианство Поплавского насквозь поражено «теософской болезнью» (2, 131). В. М. Жердева, рассматривая творчество поэта, приходит к выводу, что представления Поплавского более соответствуют буддийскому мировосприятию, чем христианской культуре с идеей бесконечности бытия (3, 14).

Таким образом, мы видим, что в современном литературоведении нет единого мнения, какова была духовная природа поэзии Поплавского. Действительно, религиозные мотивы лирики Поплавского имеют сложную, разветвлённую генеалогию, фиксирующую напряжённый, иногда болезненный поиск поэтом-эмигрантом прочной духовной основы.

Противоречивость религиозно-нравственных исканий Поплавского вызвана влиянием нелёгких жизненных обстоятельств. В частности, смерть сестры укоренила в сознании поэта мысль о нерасторжимом единстве жизни и смерти, их постоянном поединке, в котором смерть оказывается сильнее. Эмиграция, ужасающие условия жизни поэта предельно актуализировали тему «смысла страданий». Чтение лекций Кришнамурти и посещение общества Блаватской пробудили интерес Поплавского к мистицизму.

Сам поэт на вопрос «Как жить?» в статье 1929 года отвечает: «Погибать» (6, 94). Лирический герой Поплавского постоянно жертвует собой, но, парадоксальным образом, только в этом безумном жертвоприношении он себя и может сохранить, сберечь «для другого раза». Жить и погибать – это две стороны одного листа. И во всех сборниках у Поплавского звучит мотив Конца. А сборники – «Снежный час», «В венке из воска», «Дирижабль неизвестного направления» – уже в своих названиях символически формулируют тему Конца. У Поплавского появится устойчивый и «сквозной» для его творчества тип лирического героя – героя, одержимого и навсегда зачарованного идеей смерти.

Симптоматично, что сам Поплавский при описании своих мистических переживаний называл себя в дневнике «живым трупом» (6, 105).

В лирике Поплавского мертвы не только люди, но и цветы, небесные существа, время: «Розов вечер, розы пахнут смертью» («Роза смерти», 1928 г.) (7, 57); «Под сиренью в грязном переулке // Синеглазый ангел умирал» («Мальчик и ангел», 1929 г.) (7, 73). И о своей душе поэт говорит, как о погибшей: ей не суждено узнать земных радостей.

Метафоры «воздух – саван», «небо – морг» лишний раз подчёркивают величие и всеобъятность смерти: «Зелёные зелёные дома // И воздух плотный что хороший саван» («Не неврастении зелёная змея...», 1925 г.; в цитировании сохранена пунктуация Б. Ю. Поплавского. – О.С.) (7, 288); «Замкнулись горы, синий морг над нами. // Окованы мы вечностью и льдами» («Другая планета») (7, 239).

В различных религиях и культурах смерть рассматривается с разных точек зрения. Однако почти все они, включая первобытные культы, сходятся в том, что смерть не исчерпывается чисто физическим смыслом – возвращением в прах. Стоит вспомнить, что эпоха, в которую жил и творил Б. Ю. Поплавский, ознаменовала собой рубеж двух культурных парадигм: отношения к смерти как к бытию изменённому (уходящая парадигма) и бытию прекращённому (идущая ей на смену). Парадигма бытия прекращённого отрицала посмертное существование. Парадигма бытия изменённого говорила о трансформации земного существования. Поэт-эмигрант оперировал в своём творчестве вариантами отношения к смерти, накопленными в рамках парадигмы бытия изменённого, продолжая традиционные трактовки смерти в духе христианства и буддизма.

В статье «Буддийские настроения в поэзии» (1894) В.С. Соловьёв, анализируя поэму Голенищева-Кутузова «Рассвет», приходит к заключению о том, что русский поэт, размышляя о смерти, по сути, выражает буддийское мирозерцание: «Искушение, примирение – *только в смерти* (курсив Соловьёва. – О. С.). Это заключительное торжество смерти разрастается <...> в целый апофеоз. Тут уже смерть является не только как единственное разрешение жизненных противоречий, но как единственное благо и блаженство» (9, 246). Сказанное Соловьёвым о Голенищеве-Кутузове прямо проецируется на лирику Поплавского. Во многих стихотворениях поэта-эмигранта смерть, в соответствии с представлениями буддизма, также воспринимается как необходимая ступень к Идеалу. Она не просто естественна, а желанна, ибо прерывает страдания: «Пожалей, его пожалей! // Помоги ему умереть» («Саломея I», 1929 г.) (7, 78).

В лирике Поплавского смерть так же, как и в произведениях Голенищева-Кутузова, рассмотренных Соловьёвым, часто оценивается «как апофеоз».

В христианстве понимание смысла жизни, смерти и бессмертия исходит из ветхозаветного высказывания: «<...> день смерти лучше дня рождения» (Книга Экклезиаста 7:1). Подобное отношение к смерти было близко и Поплавскому в период создания поэтического сборника «Флаги» (1931): «Мы на пустом корабле оставались вдвоём, // Мы погружались, но мы погружались в веселье» («Рукопись, найденная в бутылке», 1928 г.) (7, 60). Почему же смерть приносит великое спасение, счастье? «Отказываюсь от всякого участия, // Отказываюсь жить на сей земле» («Дождь», 1925–1929 гг.) (7, 35) – эти строки Поплавского дают нам ключ к решению данного вопроса. Поэт отказывается жить на «сей земле», потому что надеется воскреснуть после смерти в потустороннем мире.

Земная жизнь, полная печалей и скорбей, не ценится высоко лирическим героем, но именно она, с точки зрения христианства, готовит человека к вечной жизни. В Православии нет смерти, ибо смерть лишь узкая межа между земной жизнью и жизнью в будущей вечности. Смерть есть лишь временное разлучение души и тела. После того как человек умирает, его душа выходит из тела. Став свободной, душа обретает иное, духовное зрение. Оттого «души солдат» в лирике Поплавского мечтают о смерти: «Потому что военная доля // Бесконец-

но прекраснее жизни. // Потому что мечтали о смерти // Души братьев на крыше тайком» («Юный доброволец») (7, 190).

Души солдат попадают в рай: «Но время. Прощай, действительная армия, // Солдаты пришли домой. // Солдаты пришли в рай («Армейские стансы», 1925 г.) (7, 222). А после смерти их души выходят из тела, ни на секунду не прерывая своего существования, и продолжают жить той полнотой жизни, которой начинали жить на земле. Но уже без тела. Потому что из-под пера Поплавского выходят следующие строки: «Умирать легко и жить легко – // Жизни вовсе нет» («Не смотри на небо, глубоко...», 1931 г.) (7, 116). Душа лирического героя, выйдя из тела, способна воспринимать, чувствовать мир живых людей. Но она лишена оболочки и поэтому не может участвовать в земной жизни.

В сборнике «Снежный час», составленном Поплавским в 1934–1935 гг., звучат демонические нотки отчаяния, упрёки, доходящие до проклятия самого Создателя. Тема смерти в «Снежном часе» связана с мотивами «бунта», «богооставленности», выражающими духовную трагедию поэта, отказывающегося принять дисгармонию земного существования.

Поэт переживает глубокий религиозный кризис. Отныне «небеса» для него пусты. Но и земля – подлинный ад для героя Поплавского. «Небо» стало недоступно для лирического героя. Оно теперь «тешится» с высоты над падшими ангелами, которые, как и другие существа, подвластны земному притяжению, лишены возможности взлететь и завидуют свободе птиц: «Быстрые, чёрные птицы // Носятся стаей в окне. // Так бы касаться, кружиться, // В бездну стремглав заглянуть, // Но на земле не ужиться, // В серое небо скользнуть» («Вечер блестит над землею...», 1931 г.) (7, 107).

Вид запрещающего неба толкает лирического героя к бегству, что выражается в желании «уйти во сны». «Духовный маятник» Поплавского опять склоняется в сторону буддизма: «Спать. Уснуть. Как страшно одиноким. // Я не в силах. Отхожу во сны». («Il neige sur la ville», 1931 г.) (7, 130).

С другой стороны, в некоторых стихах цикла «Над солнечной музыкой воды», входящего в сборник «Снежный час», поэт выражает мысль о том, что смерть и жизнь нельзя разделить. Кроме того, жизнь «повита» смертью. Всё разрушается, создаваясь, то есть эти вечные начала зависят друг от друга: «Что земля и радость глубже боли, // Потому что смерть нужна лесам, // Чтоб весной трава рвалась на волю, // Дождь к земле и птицы к небесам» («Летний вечер тёмн и тяжёл...», 1932–1933 гг.) (7, 163).

Так в лирике поэта, начиная с 1931 года, смерть является движущей силой обновления и развития, она не только отрицание, но и продолжение жизни: «Смерть глубока, но глубже воскресенья // Прозрачных листьев и горячих трав» («Не говори мне о молчаньи снега...», 1932 г.) (7, 151). Такое оптимистическое звучание темы смерти в лирике цикла «Над солнечной музыкой воды» отражает душевную гармонию, которая на короткое время вошла в жизнь Поплавского вместе с любовью к Н. Столяровой.

Итак, тема смерти в лирике Поплавского обретает многоплановое смысловое наполнение. Подобно столь далёкому от него И. А. Бунину (трактат «Освобождение Толстого»), в своих представлениях о смерти Поплавский соединяет элементы христианства и буддизма. Но при этом поэт-эмигрант, с юности лишённый «почвы», оторванный от национальных культурных корней, в отличие от своего старшего современника, так и не смог преодолеть мучавшие его сомнения и обрести прочную духовную опору. Его лирический герой находится в постоянных метаниях и непреодолимых внутренних противоречиях: переходит от буддизма к христианству, от веры – к безверию.

Смерть для Поплавского – это вызов миру, выражающий неприятие действительности и бунт против Создателя. Как же мог добрый Бог сотворить мир, где всё обречено на страдания и смерть? В этих размышлениях звучат излюбленные темы гностической мысли.

Чтобы понять природу зла, Поплавский обращается к прамифу, гностическому знанию о сотворении мира вопреки высшей Воле: «Бог не создал мира, хотел создавать его. Мир “Вырвался” к бытию против его воли, из его полноты, рискнул. Ибо Смерть непобедима, несчастья и страдания неустранимы.... и всякое “вперёд” есть только дальнейший прыжок в пустоту. Каждый человек двойственен: человек – отражение, живущий и гибнущий, и человек – идея о Божественном разуме, которая никогда вполне не рождается, но которую ржа не поедает» (6, 238). Двойственность человеческой природы запечатлена и в лирике Поплавского: «И на двух катафалках везут // Половины неравные тела // И на кладбищах двух погребён // Ухожу я под землю и в небо» («Двоецарствие», 1924 г.) (7, 31). С точки зрения поэта-эмигранта, после смерти человек одновременно погружается в земные глубины и восходит в небесные сферы: его тело отправляется в земные недра, душа же устремляется на небо.

С 1933-го года лирика поэта становится всё более исповедальной. С этого времени в лирике явно прослеживается идея христианского смирения. В начале стихотворения «Как страшно уставать...» этого года звучат жалобы, сетования на то, что мир зол, несправедлив. Герой упрекает Бога в том, что Он не любит созданное им самим, оттого люди так жалки и беспомощны. А в конце стихотворения лирический герой вопрошает о приходе «жалостливого Бога»: «Не в истине, не в чуде // А в жалости твой Бог» (7, 118). Для Поплавского жалость – краеугольный камень христианства. Лирический герой этого времени искренне страдает. Поплавский объявляет «жалость» сущностью православного христианства: «Что такое православие? Это нищая религия. Неизвестная и неизданная мистическая поэзия, разорённые храмы, смиренные священники. <...> Христос католиков есть скорее царь, Христос протестантов – позитивист и титан, Христос православных – трости надломленной не переломит, он весь в жалости, всегда в слезах» (4, 167).

Так Поплавский вводит в свою поэзию категорию «жалости». При этом он явно выходит за рамки матриц западноевропейского экзистенциализма, ориентируясь, прежде всего, на христианские нравственные императивы (любовь к ближнему; неприятие животно-плотского, бездуховного начала, корысти; верность дружбе). В его творчестве очевидны особенности русского варианта экзистенциализма, своеобразие которого обусловлено его национальными и эстетико-философскими корнями, его эмигрантским происхождением.

В это время Поплавский ищет Христа униженного, слабого, обливающегося слезами. Он считает: «Нельзя принять Бога, если Бог сам не принимает на себя страданий мира, если он не есть Бог жертвенный» (5, 65).

Главенствующими чертами в мироощущении лирического героя Поплавского становятся жалость ко всему живому, Божьему; сострадание к человеку, так как он изначально обречён на несчастья. И в дневнике этого года есть записи: «Всё сумрак и ложь, на небе и на земле, и только одна точка ясна и тверда. Эта точка есть жалость, и на ней стоит Христос» (5, 66).

Как видим, духовное движение Поплавского нельзя назвать последовательным и логичным. Религиозно-нравственные искания поэта все-таки остаются противоречивыми, линия их развития причудлива и зигзагообразна. И в стихах 1932–1933 годов отражается восприятие Люцифера как спасителя, давшего человеку знание, искусство, любовь. Именно таково божество в «Тайной доктрине» Е. П. Блаватской – основательницы Русского теософского общества. В дневнике Поплавского 1934 года есть строки: «Я никогда не сомневался в существовании Бога, но сколько раз я сомневался в моральном характере Его любви. Тогда мир превращался в раскалённый, свинцовый день мировой воли, а доблесть в сопротивлении Богу в остервенение стальной непоколебимой печали» (6, 267). Подобные приступы сомнений парадоксально сменяются у поэта жаждой веры: «Буду молиться, – восклицает он на следующей странице своего дневника, – может быть, пройдет злая дрожь отчаяния» (5, 48). И вот впечатление от молитвы: «Тёмные, долгие, упорные молитвы без толку, однообразная жвачка, упрек Богу, обида

на Него» (5, 69). Эти строки дают возможность Э. Райс так сказать о религиозных исканиях Поплавского: «Он напряжённо и глубоко – по-своему – верил, хотя у него от высокого метафизического взлёта до горчайшей иронии расстояние бывало тоньше волоска» (8, 165).

Герой Поплавского ищет утверждения реальности своего «я» в личных, без посредства церкви, отношениях с Богом, в «романе с Богом», как говорил сам поэт. «Роман» этот мучителен. По противоположности с чаемым озарением, бессмысленность, пустота и ужас существования кажутся ещё более невыносимыми. Это – «чёрная ночь» (1, 48), пустыня, через которую немногим дано перейти.

Из духовного хаоса, зафиксированного в дневниках поэта, вырастают богоборческие мотивы его поздней лирики. Ими наполнено, например, стихотворение «Мать без края “быть или не быть”...» (1935). Страх без смирения и без надежды на силу Божией милости неминуемо порождает бунт слабой человеческой природы, которая своими силами не в состоянии спастись. Лирический герой, с одной стороны, «возвращается к Богу», а с другой – Господь предстаёт перед нами в облике дьявола, который «ловит и давит солдат на войне». Герой призывает «не смотреть в небеса», ведь «Бог о судьбе позабыл». Всё это свидетельствует о глубоком религиозном кризисе Поплавского.

Таким образом, желание Поплавского проникнуть в глубины религиозных учений, очевидно, было вызвано мистическим поиском, жадной духовной самореализации и самоидентификации. Поэт хотел узнать великие тайны, скрытые от обыденной жизни смертных, проникнуть в таинственные вселенные, которые он предчувствовал.

Поэзия Поплавского являет собою акт прямого самовыражения поэта. Она бнажено исповедальна и даёт представление о духовно-биографическом опыте лирика, круге его переживаний. В лирике Поплавского (1927–1935 гг.), как и в его дневниках этого периода, отражаются и преломляются напряженные религиозно-нравственные искания поэта. Так или иначе, поэзия Поплавского художественно воплощает его стремление обрести духовный смысл существования, найти прочную нравственную основу. В лирике отзывается страстное желание поэта-эмигранта обрести себя, свой единственный «берег истины». Образный мир, мотивика, интонационный строй и все особенности поэтики лирики Поплавского явно подпитываются его поиском религиозно-философских ориентиров, позволяющих осуществить в условиях эмиграции творческую самоидентификацию. Однако развитие Поплавского, разрывающегося между гностицизмом, оккультизмом, буддизмом и православием, трудно назвать «духовным восхождением». Скорее – это настоящие метания, окрашенные трагическими противоречиями.

И, тем не менее, окружающий мир осознаётся поэтом, прежде всего, как мир Божий. Этим объясняется наличие религиозных мотивов, сюжетов и образов во всех его сборниках стихов.

Литература

1. *Варшавский В. С.* О Поплавском // Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников. СПб., 1993.
2. *Ваховская А. М.* Поэтические вариации христианских мотивов в лирике Владимира Набокова и Бориса Поплавского: докл. на конф. «Исторический путь христианства» VII Междунар. Рождественских образовательных чтений. Москва, 27–28 янв. 1999 г. М., 1999.
3. *Жердева В. М.* Экзистенциальные мотивы в творчестве писателей «незамеченного поколения»: (Б. Поплавский, Г. Газданов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
4. *Поплавский Б. Ю.* В поисках собственного достоинства: Из дневников // Человек. 1993. № 2. 3.
5. *Поплавский Б.* Поплавский Б. Ю. Из дневников 1928–1935 // Литературная учеба. 1996. Кн. 3.
6. *Поплавский Б. Ю.* Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма / сост. и коммент. А. Богословского, Е. Менагельдо. М., 1996. .
7. *Поплавский Б. Ю.* Сочинения. СПб., 1999.
8. *Райс Э.* О Борисе Поплавском // Грани. 1979. № 114.
9. *Соловьёв В. С.* Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990.
10. *Сыроватко Л. В.* Тезис и антитезис самопознания: Н. Бердяев в диалоге с Б. Поплавским // Культурный слой: Философия русского зарубежья (исследования и материалы). Калининград, 2004. Вып. 4.